

Голова Цзян Цяньэр болела так, будто кто-то изо всех сил выскребал её ножом. Боль была такой невыносимой, что она судорожно втянула воздух, а в горле жгло, словно она наглоталась угольков.

Инстинкт выживания заставил её услышать чьё-то тяжёлое дыхание, и она машинально позвала: — Извините, пожалуйста, помогите вызвать скорую.

То ли её голос был слишком тихим, то ли собеседник не расслышал, но в ответ на неё не откликнулись — раздавалось лишь прерывистое, хриплое дыхание. Собрав последние силы, она подняла словно налившуюся свинцом руку, ударила себя по голове, заставляя окончательно проснуться, и открыла глаза. Пред ней предстал тусклый пол комнаты, на котором была связана пеньковой верёвкой нагая женщина, нет, мужчина с длинными волосами, покрытый с ног до головы кровавыми рубцами, с заткнутым тряпкой ртом.

Рядом с мужчиной валялись сломанные прутья ивы, а также толстые дубинки. И тонкие ивовые прутья, и палки были в крови.

Цзян Цяньэр испугалась. Забыв о боли в голове, она нащупала тесак и двинулась к мужчине. В нос ударил густой запах крови.

Избитый и связанный мужчина лежал в луже крови. Его глаза, проступавшие сквозь растрёпанные пряди длинных волос, были чёрными, мёртвыми, неподвижно устремлёнными в пустоту, и он тяжело дышал, напоминая загнанного зверя.

Цзян Цяньэр перерубила соломенную верёвку, сковывавшую мужчину, вытащила изо рта тряпку и, не обращая внимания на пачкавшую её с ног до головы чужую кровь, сжав зубы, приподняла его. Тут же выяснилось, что его ноги безвольно висят — они были словно переломаны.

Потратив все силы, она кое-как дотащила мужчину до того места, где сама только что лежала, и едва успела опустить его на землю, как голову снова пронзила острая боль.

Боль была такой сильной, что она не удержалась на ногах и рухнула на пол. Чужие, незнакомые воспоминания бушующим потоком хлынули в её сознание, наперегонки заполняя голову.

Она, Цзян Цяньэр, была насмерть прихлопнута диким зверем, но переродилась в другом мире.

Она возродилась в теле шестнадцатилетней девушки, чьё имя и фамилия полностью совпадали с её собственными — её тоже звали Цзян Цяньэр.

Девушка жила в стране под названием Северная династия, на территории Протектората Бэйтин, в Городок Цзючжоу, в Деревня Хэся, и была молодой вдовой.

Она вышла замуж в четырнадцать лет, но в первую же брачную ночь её муж скончался.

К ней приклеилось проклятие губительницы мужей и приносящей несчастья девки. В доме свёкров она ела хуже свиньи, спала меньше собаки, вставала раньше петуха и пахала больше вола.

Она постоянно терпела побои и брань свекрови.

Такая скотская жизнь продолжалась два года, пока свекровь не застала за домогательствами её собственного отца мужа. Свекровь принялась обзывать её бесстыдной блудницей, которая только и умеет, что соблазнять людей.

Свёкор, который приставал к ней, неожиданно встал на её защиту, рассудив, что раз старуха всё равно уже прознала, то добро не должно уходить на сторону: закроют двери, залезут на кан, и никто ничего не узнает, а глядишь, она ещё и родит ему крепенького мальчишку, продолжив род.

Свекровь, разумеется, и слышать об этом не желала. Багровая от гнева, с налитыми кровью и вылезшими из орбит глазами, она тут же продала невестку всего за две лян серебра.

После продажи девушка была выдана замуж за гэр со скалеченными ногами, поврежденной основой и утратившим мужскую силу.

Стоило ей переступить порог нового дома, как задница не успела коснуться скамьи, мачеха этого гэр выдала им две полуразвалившиеся мазанки, два мешка подгнившего зерна, два мешка гнилой пшеницы да два муи каменистого поля — и вытолкала за дверь.

Поначалу девушка думала: раз уж суждено выйти за калеку, так тому и быть, по крайней мере, её больше не будут поносить последними словами и бить. К тому же этот гэр раньше промышлял торговыми караванами и был куда расторопнее любого здорового мужика — три большие кирпичные комнаты в их прежнем общем доме были заработаны именно его трудом. Хотя сейчас он лежал парализованный и искалеченный, у него были кое-какие тайные сбережения, так что вдвоем они могли бы жить пусть на самую простую еду, но всё же жить.

Однако мирная жизнь продлилась недолго. Местный бездельник и хулиган сладкими речами обольстил девушку, заставив её выманивать деньги у гэра, чтобы тратить их на свои прихоти.

Сначала всё шло к тому, что деньги удавалось заполучить обманом, но со временем гэр обо всём догадался.

Тогда негодяй-хулиган, решив идти до конца, стал уговаривать девушку, обещая на ней жениться.

С одной стороны был здоровый, крепкий мужчина, а с другой — неспособный ни на что гэр. Девушка тут же склонила чашу весов в сторону здорового парня, даже несмотря на то, что тот отличался дурным нравом и предавался любым порокам: пил, гулял, играл в азартные игры и волочился за женщинами. Словно одержимая злыми духами, она во что бы то ни стало захотела остаться с ним.

Но у неё был муж. Пусть даже её муж был гэром и калекой, если бы она вышла замуж за другого, её бы заживо забросали осуждающими плевками окружающие.

Ради приличия, ради законности и возможности жить открыто, по наущению хулигана девушка принялась истязать собственного мужа.

Пока он спал, она раздевала его догола и связывала, морила голодом и жаждой, избивала и проклинала, всем сердцем желая замучить его до смерти, чтобы потом спокойно выйти замуж за негодяя.

Однако к её удивлению, после нескольких дней избиений и брани муж вовсе не умер — напротив, она сама так измотала себя, что упала на кан и испустила дух.

И тогда Цзян Цяньэр из Галактики Копал переродилась в её теле.

— Хм! — лежавший на кане мужчина издал приглушенный стон от боли. До крови прикусив губу, он смотрел на Цзян Цяньэр налитыми кровью глазами.

Услышав этот стон, Цзян Цяньэр пришла в себя и посмотрела на мужчину.

Мужчину звали Чжоу Синшань, и он был гэром, способным на куда большее, чем любой заурядный мужлан.

Северная династия — эпоха, застрявшая в складках времени. В этой династии были мужчины, женщины и третий пол — гэры.

Анатомически гэры не отличались от мужчин, но была одна особенность: гэр мог как сам взять жену, так и выйти замуж, а также давать потомство, однако его социальный статус был ниже, чем у мужчин.

В богатых семьях родившихся гэров растили, а затем рано выдавали замуж или женили, тратя деньги на покупку невесты. В бедных же семьях большинство родившихся гэров выдавали замуж за других, чтобы те рожали им сыновей.

Отличить гэра от обычного мужчины можно было по одной примете: у каждого гэра под правым глазом красовалась ярко-красная родинка. Те гэры, которые сами женились на женщинах, обычно брали нож и срезали эту родинку или прижигали ее огнем. И лишь те гэры,

которым суждено было выйти замуж, оставляли родинку нетронутой.

Цзян Цяньэр глубоко вздохнула, и голова перестала болеть.

Опираясь руками о кан, она приподнялась. Для такой ничтожной песчинки, как она, которая в Галактике Копал даже не имела права попасть в базу данных генетического подбора, не то что мужа — собственной жилплощади не полагалось, не говоря уже о том, что с неё ежегодно драли огромный налог на холостяков.

Кто бы мог подумать, что после перерождения у неё сразу появится и брак, и муж. Для неё это было всё равно что манна небесная, упавшая прямо ей на голову. Какая благодать!

Она осторожно протянула руку, желая убрать растрепанные волосы с лица лежащего на кровати Чжоу Синшаня и разглядеть, как он выглядит, но в тот же миг Чжоу Синшань, проворный и решительный, как загнанный в угол дикий зверь, вцепился ей в горло и прижал к кану, а в его покрасневших глазах бушевала смертная жажда.

<http://bllate.org/book/21704/2241606>